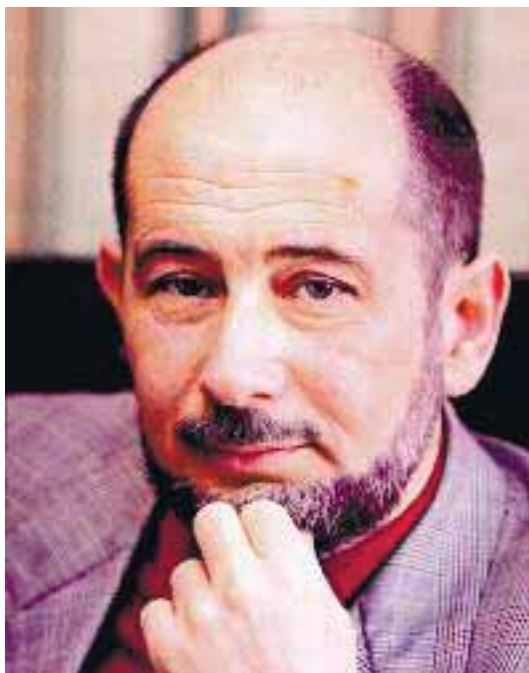

Александр Владимирович Бузгалин — доктор экономических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Альтернативы»

Россия: в поисках приоритетов развития

Прошлый век стал эпохой сразу нескольких глобальных переломов. Первый — «социалистический эксперимент» — закончился декларативным признанием его неудачи. Второй — научно-технический — развивается вот уже более ста лет, но при этом регулярно меняет направления и тренды. Третий — культурно-цивилизационный — как был, так и остается под вопросом.

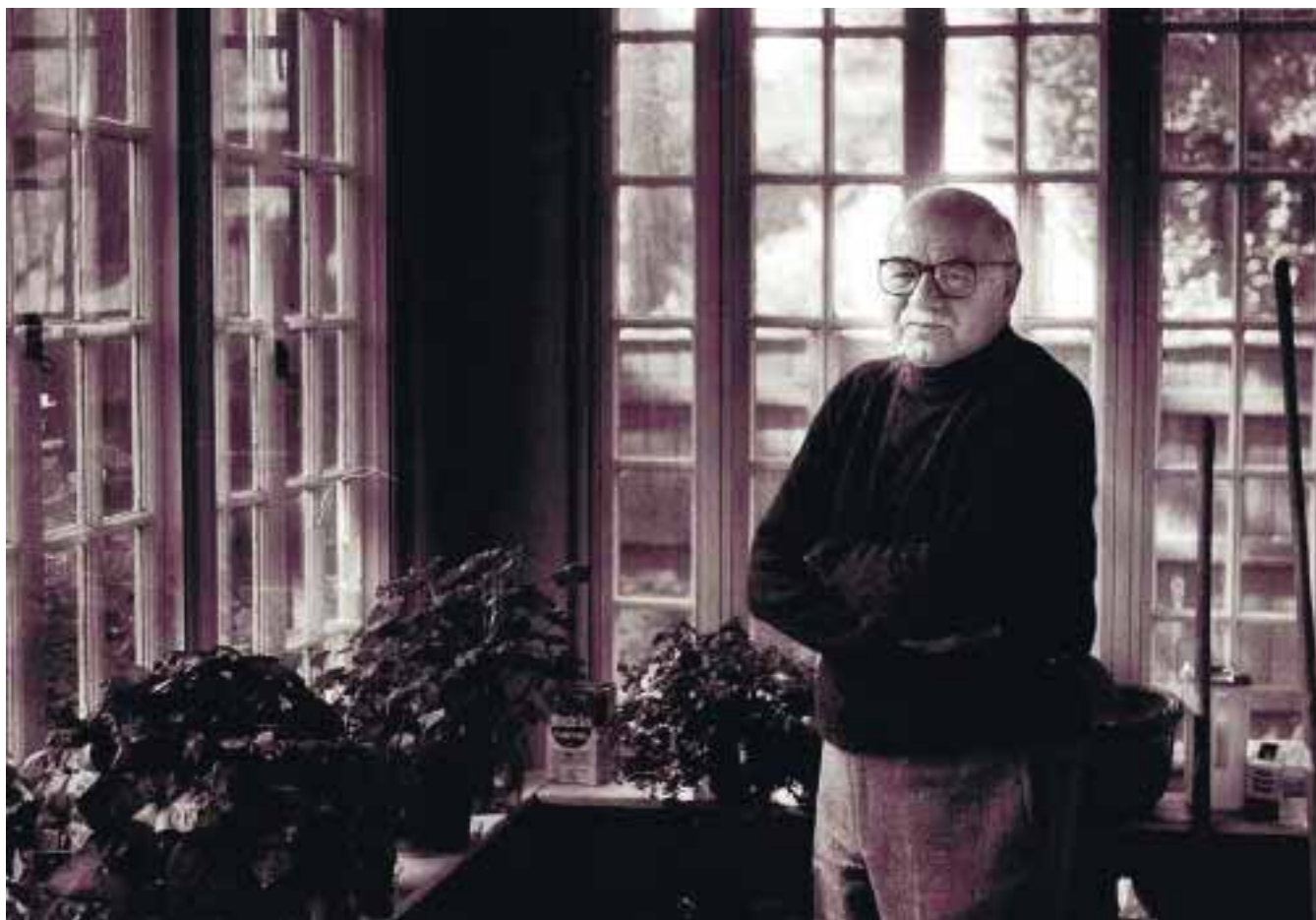
Для нашего Отечества ситуация выглядит еще более проблемной. Позади — Российская империя и Советский Союз плюс ужасы «шока без терапии». Впереди — надежды не столько на качественные изменения роли нашей страны с 67-м местом в мире по индексу человеческого развития, сколько на стабильность.

Еще недавно задумываться над вопросами нового качества развития мира и нашей Родины в среде серьезных интеллектуалов России считалось неприличным романтизмом. Но ситуация изменилась. И серьезный разговор о том, кто, куда и как

эволюционирует в современном мире, каковы при этом раскладе сценарии возможного развития России и может ли интеллигенция повлиять на выбор тренда, стал нас все-таки волновать. Хочется почувствовать свою сопричастность к тому, что делается в мире и в стране. Хотя бы интеллектуальную. А может быть и не только...

Экономика и общество XXI века: альтернативные векторы постиндустриальных тенденций

О глобальных, качественных изменениях мира, вызванных технологическими сдвигами последних десятилетий, написаны сотни книг. Более полувека назад интеллектуалы открыли научно-техническую революцию. Даниэль Белл более 40 лет назад назвал эти трансформации «постиндустриальными», а возникающую систему — «обществом услуг». Элвин Тоффлер чуть позже — «третьей волной». Мануэль Кастельс и Ко — «информационным обще-

ством». Есть еще и «посткапитализм», и «общество знаний», и «человеческая революция», и много другого. Повторять основные моменты этих работ — занятие скучное и ненужное: многие их и так хорошо знают. Поэтому напомним лишь самое главное.

Творческая деятельность создает не просто информацию или новшество.

Во-первых, она производит культурную ценность, которая в пределе бесконечно остается востребованной человечеством (как правила арифметики или поэмы Гомера). И это культурное благо неограниченного использования, такой «пирог», который становится тем больше, чем больше едоков его поглощают. Чайковский приходит и «съедает» испеченный Пушкиным «пирог» — поэму «Евгений Онегин». В результате появляются два «пирога» — опера и поэма. Поэтому в принципе в мире культурных ценностей становится возможной (а, на мой взгляд, и необходимой)

Более полувека назад интеллектуалы открыли научно-техническую революцию. Даниэль Белл более 40 лет назад назвал эти трансформации «постиндустриальными», а возникающую систему — «обществом услуг».

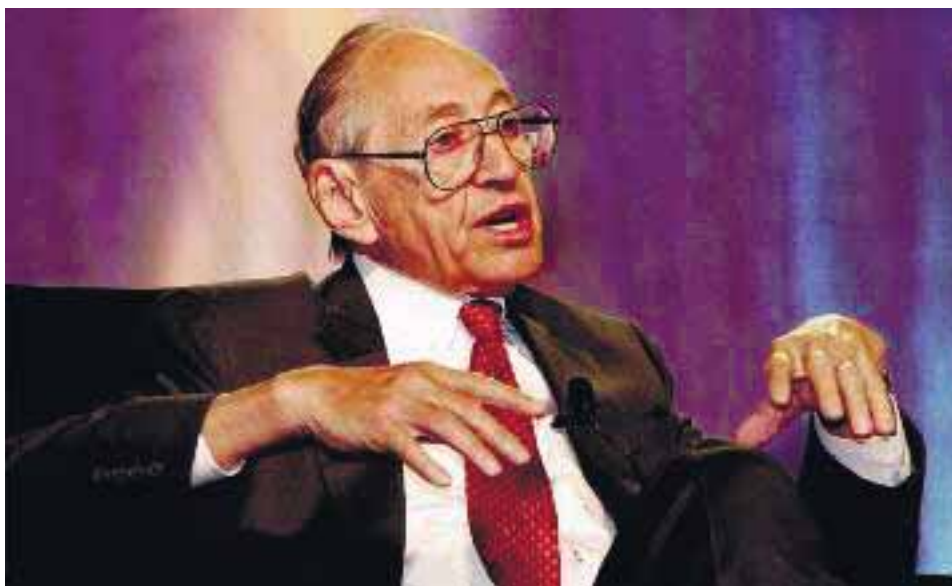
всеобщая собственность, собственность каждого на все. Это формула, восходящая к идее всеобщего труда у Карла Маркса, работам отечественных философов-шестидесятников Эвальда Ильенкова, Генриха Батищева, Николая Злобина, Владислава Келле, Льва Науменко и др. и часто ныне воспроизводимая Вадимом Межуевым.

Смысл этой формулы на первый взгляд прост: каждый из нас потенциально является собственником всего культурного богатства человечества — любых научных знаний и произведений искусства. Дело за малым — способностью «съесть» этот пирог, освоить, распределить это богатство. Перед каждым из нас открыты богатства Ленинки, ценность которых несоизмерима с самым дорогим автомобилем, распахнут

Эрмитаж, по сравнению с которым любая вилла любого олигарха — сарай.

Во-вторых, она создает новое качество ее субъекта — человека знающего, человека любящего, человека, способного чувствовать красоту. Самое смешное, что это результат, который нельзя ни купить, ни украсть. Его можно только сотворить.

В-третьих, творчество есть всегда еще и процесс общения. Того, что Михаил Бахтин называл субъект-субъектным отношением, диалогом. И в нем тоже нет места отчуждению: способность слышать другого (будь то учитель или ученик, дирижер или один из музыкантов оркестра, автор написанной тысячу лет назад книги или коллега по лаборатории) не продается, не покупается, не поддается насилию.

Элвин Тоффлер чуть позже обозначил революционные социальные перемены как «третью волну».

Можно перекупить учителя или музыканта, но нельзя купить способность к диалогу с тем или другим.

Подытожим. В новом обществе основными сферами развития (и, как следствие, прогресса, роста производительности, эффективности, качества жизни) становятся новые отрасли широкомасштабного «производства» главного ресурса новой экономики. Таким ресурсом оказываются не деньги, не машины и даже не информация, а «человеческие качества» — новаторские способности и способности к не отчужденному диалогу и кооперации с другими людьми и подлинной культурой (а не только «знаниями»). Именно такие люди (о них писали многие философы и социологи — Аурелио Печчеи, Эрих Фромм, Жан-Поль Сартр) — свободные, творчески развивающиеся, выбирающие «быть», а не «иметь» — создают и «информацию», и ноу-хау, и все другие высокоценные блага неоекономики.

Отсюда органично вытекает следствие: основными «отраслями» ближайшего будущего становятся воспитание и обра-

зование (непосредственное «производство» человеческих качеств как первое подразделение постиндустриального общества), а также наука, искусство, высокотехнологичное производство и социальное новаторство (сферы реализации человеческих качеств — второе подразделение постиндустриального общества). Добавив к этому охрану и воспроизводство экологически чистых территорий, мы получим эскиз структуры передовых секторов российской экономики будущего.

Ученые, подняв хотя бы вдвое урожайность сельскохозяйственных культур, могут тем самым заменить миллионы крестьян. Талантливые технолог и управленец способны сэкономить труд десятков тысяч рабочих. То, что тысячи занятых в сфере высоких технологий высвобождают труд миллионов, работающих в индустриальном производстве (не говоря уже о ручном труде), хорошо известно. Что же касается «лишних» работников, высвобождаемых в этом процессе, то в постиндустриальном обществе существует несколько сфер деятельности,

где постоянно требуется дополнительная рабочая сила. Например, учителя, «садовники» (люди, воссоздающие природу), социальные работники и т.п. могут и должны составлять преимущественную часть занятых в обществе эпохи «человеческой революции» — подобно тому как промышленные рабочие являются большей частью занятых в индустриальном обществе.

Позволим себе историческую параллель. Для решения проблемы достаточного производства сельскохозяйственной продукции в вечно голодном аграрном обществе феодальной эпохи (где 80 процентов занятых составляло крестьянство) надо было... в несколько раз сократить численность населения, выращивавшего зерно и пасшего скот. И занять основную часть населения совершенно бесполезным (с точки зрения средневекового крестьянина) делом производства даже не сельхозинвентаря, а станков, оборудования и пр. В результате этого уменьшившееся до 5—10 процентов аграрное население оказалось способным производить в несколько раз больше сельскохозяйственной продукции, чем 80 процентов в прежнюю эпоху. Не резонно ли предположить, что переход к постиндустриальному обществу требует такой же перегруппировки. В результате 10—20 процентов занятых в материальном производстве (при 80 процентах занятых в образовании как первом подразделении неоекономики и науке, культуре и т.п. как втором подразделении) будут создавать больше материальных благ, чем составлявший ранее большинство населения промышленный пролетариат.

Вот такой необычный мир открывается перед человечеством.

Раньше этот мир был уделом избранных. В новом веке он

может и в принципе должен стать миром большинства, в пределе — каждого.

Впрочем, здесь начинаются многочисленные дебаты.

Дилемма «20–80»

Начнем с наиболее фундаментального вопроса: а действительно ли человечество движется к постиндустриальному (информационному) обществу? Ответов здесь как минимум два.

Оптимисты, естественно, говорят «да» и указывают на сокращение доли материального производства в развитых странах, на растущие, как снежный ком, объемы продаж компьютеров, массмедийных продуктов и патентов, а также число пользователей Интернета и мобильных телефонов. Естественники вспоминают еще и о микробиологии и нанотехнологиях. Бизнесмены — о сетевом бизнесе и креативных корпорациях. И все они делают вывод, что мир вступает в новое — информационное (постиндустриальное) — общество. На Западе к кругу таких оптимистов принадлежит прежде всего Тоффлер. У нас оптимисты более осторожны и избирательны. Типичный пример — Владислав Иноземцев, обещающий постиндустриальные блага только Западу. Ну, может быть, и еще кое-кому, кто сумеет к нему присоединиться.

Пессимисты указывают на то, что основная часть мира как жила, так и живет в индустриальной эре (а около миллиарда жителей — в доиндустриальной). И даже в высокоразвитых странах сфера услуг — преимущественно труд уборщиков, подавальщиков, кассиров, грузчиков, посудомоек, «офисного планктона». И иных работников «высокоинтеллектуальных» специальностей. А большинство молодых пользователей компьютеров применяют их как пи-

Мануэль Кастельс и Ко окрестили новое общество «информационным».

шущую машинку, средство связи и книжный шкаф — в лучшем случае, как развлечение со «стрелялками» — в худшем. Для основной же массы Интернет — средство покопаться в неприличных сайтах, посплетничать в ЖЖ, купить новые джинсы на 10 процентов дешевле, чем в магазине. Есть и более фундаментальные аргументы, доказывающие, что никакого глобального перехода к новому качеству развития нет.

Кто прав?

Берусь утверждать: и те и другие. И не потому, что автор предлагает последовать постмодернистской методологии отказа от больших нарративов или хабермасовским интенциям интеллектуального бытия в мире коммуникаций и текстов, а не живых социально-политических проблем.

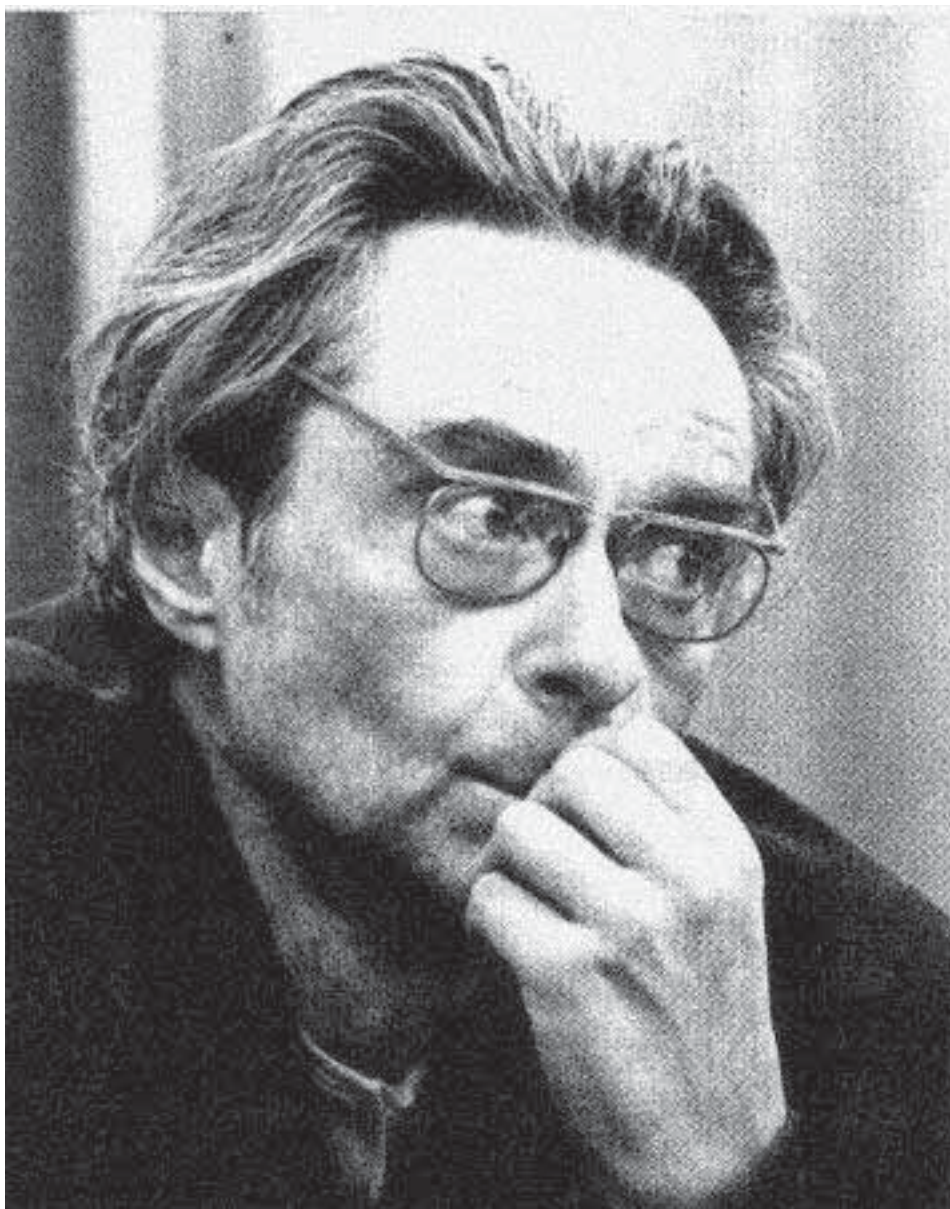
Правы и те и другие, ибо они нащупывают (каждый по-своему) разные «детали» слона, бродя с завязанными глазами и принимая хобот за змею, а ноги за колонны. Они отказы-

ваются от взгляда на проблему через призму исторически развивающихся, сложных, системных сдвигов — технологических, социально-экономических, политико-институциональных и культурных. Они ориентируются на «позитивную» фиксацию тех или иных реальных (но односторонних!) тенденций и не хотят видеть диалектики целого.

Прежде чем аргументировать свой вывод, сформулирую еще один вопрос: а прогрессом ли является признаваемое едва ли не всеми развитие новых технологий и институтов?

Либералы-оптимисты опять отвечают «да», и тут они правы: для бизнеса, особенно финансовых институтов, ТНК и некоторых малых фирм, «капитализм высоких технологий» стал золотым дном.

Гуманистически настроенные интеллектуалы бьют тревогу, указывая на новые глобальные проблемы и прежде всего на то, что в новом постиндустриальном мире востребованными станут уже не две трети

Эвальд Ильенков

В мире культурных ценностей становится возможной (а, на мой взгляд, и необходимой) всеобщая собственность, собственность каждого на все. Это формула, восходящая к идее всеобщего труда у Карла Маркса, работам отечественных философов-шестидесятников Эвальда Ильенкова, Генриха Батищева, Николая Злобина, Владислава Келле, Льва Науменко и др. и часто ныне воспроизводимая Вадимом Межуевым.

(«средний класс»), а лишь четверть профессионалов высшего уровня. Остальные 75 процентов граждан будут «опущены» в гетто допостиндустриального бытия. «У них» об этом пишут все (в России принято ссылаться на ставшую особо модной в последние годы Ханну Арендт), у нас — только некоторые философы,

часто очень далекие друг от друга (Вадим Межуев, Валентина Федотова).

И опять же отвечу: как ни парадоксально, но правы и те и другие.

Почему?

Да потому что на протяжении последних десятилетий действительно разворачивается устойчивая тенденция возрас-

тания роли Человека, его творческой деятельности и личностных качеств. Именно такая (творческая) деятельность именно такого (креативного, пишущегося с большой буквы) Человека создает новые технологии и новые ресурсы развития (информацию, знания). Она требует новых форм своей организации. Она порождает необходимость появления новых экономических и политических институтов. И эта тенденция проявляет себя уже более полувека. В энтузиазме наших родных королевых и макаренок. В действительном буме IT-технологий на Западе. В массовом социальном творчестве венесуэльской бедноты и респектабельных НПО Западной Европы.

Но!

И вот здесь начинаются жесткие и провокационные тезисы автора.

Начнем с того, что прогресс человеческих качеств и творчества идет крайне неравномерно во времени и в пространстве. Периоды креативного бума сменяются периодами застоя, а то и регресса. Например, эпоха конца 1950-х — 1960-х с ее колоссальными технологическими (космос, химия, микробиология, медицина) и социальными (от хрущевской «оттепели» и антиколониальных революций до торжества социал-демократической модели в Западной Европе) сдвигами «выдохлась» уже к концу 1960-х.

Еще более очевиден тезис о пространственной неравномерности прогресса креативной деятельности. «Общество знаний», творческого труда, а не компьютерных игрушек, развивается чрезвычайно неравномерно, концентрируясь даже не в отдельных странах, а в отдельных сетях, контролируемых глобальными игроками. Подавляющее большинство жителей Земли находятся в гетто отсталости. И при

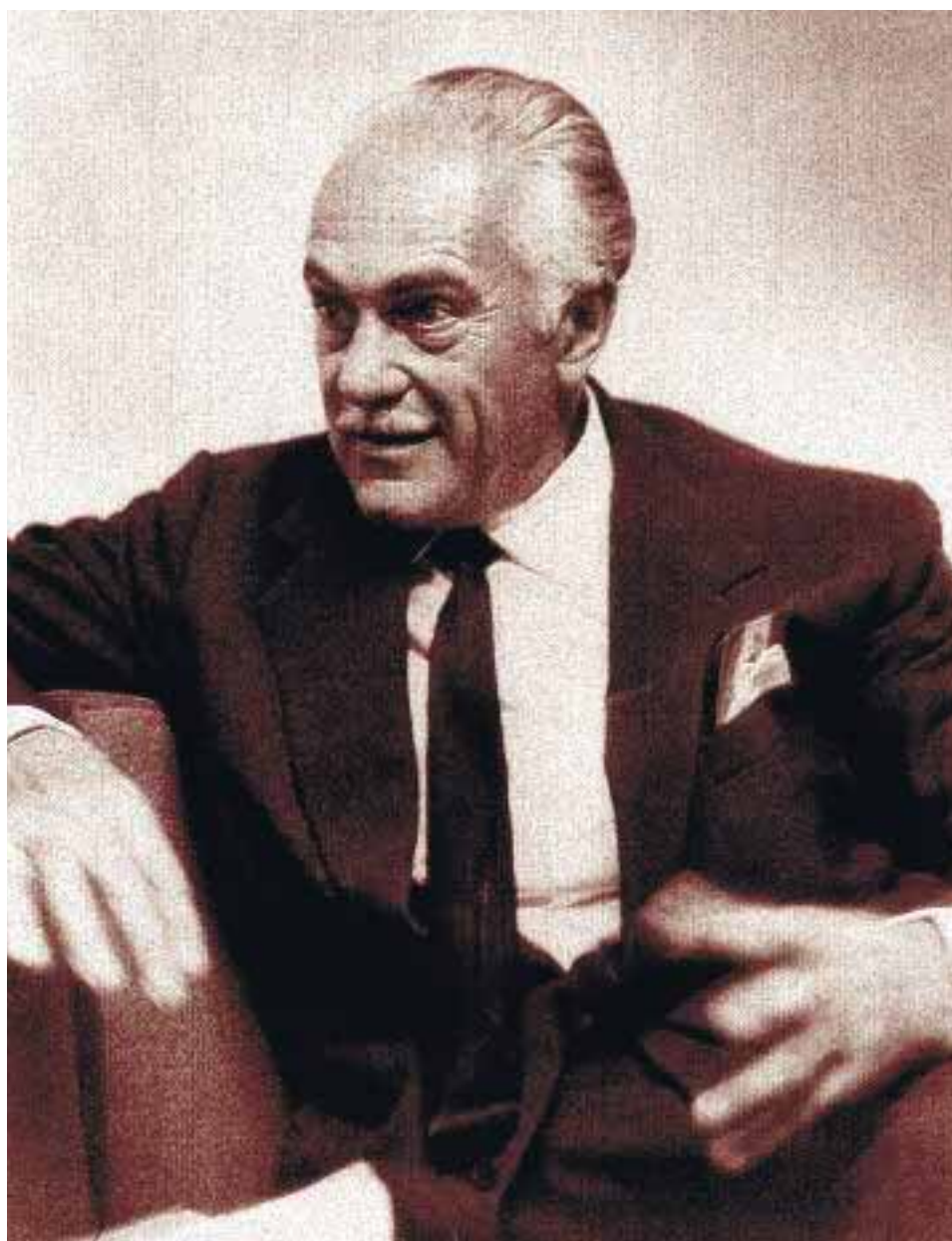
сохранении нынешней модели глобализации они будут все дальше отдаляться от мира креатосферы. Лишь немногие имеют шанс вырваться из этого гетто в новый мир.

Между тем природа творчества состоит в том (и это доказано советской школой философов и психологов — Леонтьевым, Выготским, Ильенковым), что способностью к нему обладает любой ребенок в любой семье — богатого и бедного, жителя Кембриджа и Урюпинска. Но если способность к творческой деятельности потенциально имеется у каждого, то перед нами встает новый круг проблем. Найдется ли для всех творческая работа? Кто в этом случае будет растить хлеб и производить машины? И почему же тогда не самые глупые интеллектуалы так тревожатся о судьбах 75 процентов жителей Земли, которых в будущем ждет роль обитателей гетто отсталости?

Развилки эволюции и ин-волюции

Здесь опять последует жесткий тезис: поле творческой деятельности уже не одно десятилетие принципиально широко и открыто для большинства. Только надо хотя бы на минуту задуматься и понять, что наиболее востребованная и в высшей мере креативная деятельность — это прежде всего труд воспитателя детского сада и школьного учителя, медицинского работника и тренера-физкультурника (я нарочито использовал термин советской поры с акцентом на культуре физического бытия Человека, а не бизнесе в сфере профессионального спорта), рекреатора природы и общества («садовники» и социальные работники), инженера и квалифицированного рабочего, художника (причем не только профессионального) и ученого.

В сегодняшнем мире «рыночного фундаментализма» (тер-

Аурелио Печчеи

В новом обществе свободные новаторы, способные к неотчужденному диалогу и кооперации с другими людьми и подлинной культурой (а не только «знаниями»), выбирающие «быть», а не «иметь», создают и «информацию», и ноу-хау, и все другие высокоценные блага неоекономики. Именно о них писали многие философы и социологи — Аурелио Печчеи, Эрих Фромм, Жан-Поль Сартр.

мин Джорджа Сороса) и глобальной гегемонии капитала творческий потенциал человека уходит преимущественно в иные сферы. Это финансы и другие виды посреднической деятельности (по оценкам неоинституционалистов, в США транзакционные издержки давно превы-

шают издержки производства). Это массовая культура (где десятки высококреативных людей десятилетиями производят жвачку для обывателя) и товары для «общества пресыщения». А также военно-промышленный комплекс и другие силовые структуры. (В США доля военных

Гуманистически настроенные интеллектуалы бьют тревогу, указывая на то, что в новом постиндустриальном мире востребованными станут уже не две трети, а лишь четверть профессионалов высшего уровня. «У них» об этом пишут все (в России принято ссылаться на ставшую особо модной в последние годы Ханну Арендт), у нас — только некоторые философы.

расходов ныне больше, чем во времена холодной войны, в России численность занятых в многочисленных государственных и частных охранных структурах много выше, чем число энкаведэшников во времена самого страшного сталинского террора.) В этих сферах, по преимуществу паразитических (их содействие прогрессу человеческих качеств не выше, чем было у деятелей из КГБ или идеологического отдела ЦК КПСС), занято до половины наиболее квалифицированных работников развитых стран. И это на фоне того, что в Западной

Европе сегодня 2–3 процента населения вполне способны прокормить, а еще 15–20 процентов — снабдить оборудованием и машинами все население расположенных там стран.

Вывод получается обескураживающим: преимущественная часть креативного потенциала человечества даже в наиболее развитых странах растрачивается по большому счету впустую. А то и во вред человеку и природе. Более того, социально-экономическая система, утилизирующая этот потенциал в развитых странах, ведет в сторону от

того, что необходимо Человеку и Природе.

Так складывается система, в которой есть два полюса — гетто пресыщения и гетто нищеты. А в середине более или менее сытое/голодное большинство. Это большинство мечтает попасть в первое гетто, страшится скатиться во второе и пребывает в состоянии воспроизводства обывательского стандарта. В лучшем случае (стандарт США) это частный домик, автомобиль и двухнедельный отдых за границей. В худшем (стандарт России) — тесная квартирка, новый телевизор и обед в Макдоналдсе по праздникам. Такая двухполюсная модель — стратегически тупиковая, причем как для обоих полюсов, так и для большинства.

Если оставить в стороне заглавные буквы и пафос, то тезис прозвучит не слишком ново: можно и нужно искать альтернативы той модели развития креативного потенциала человека, которую реализуют страны «золотого миллиарда». Новым (да и то относительно) будет разве что несколько «пустыков».

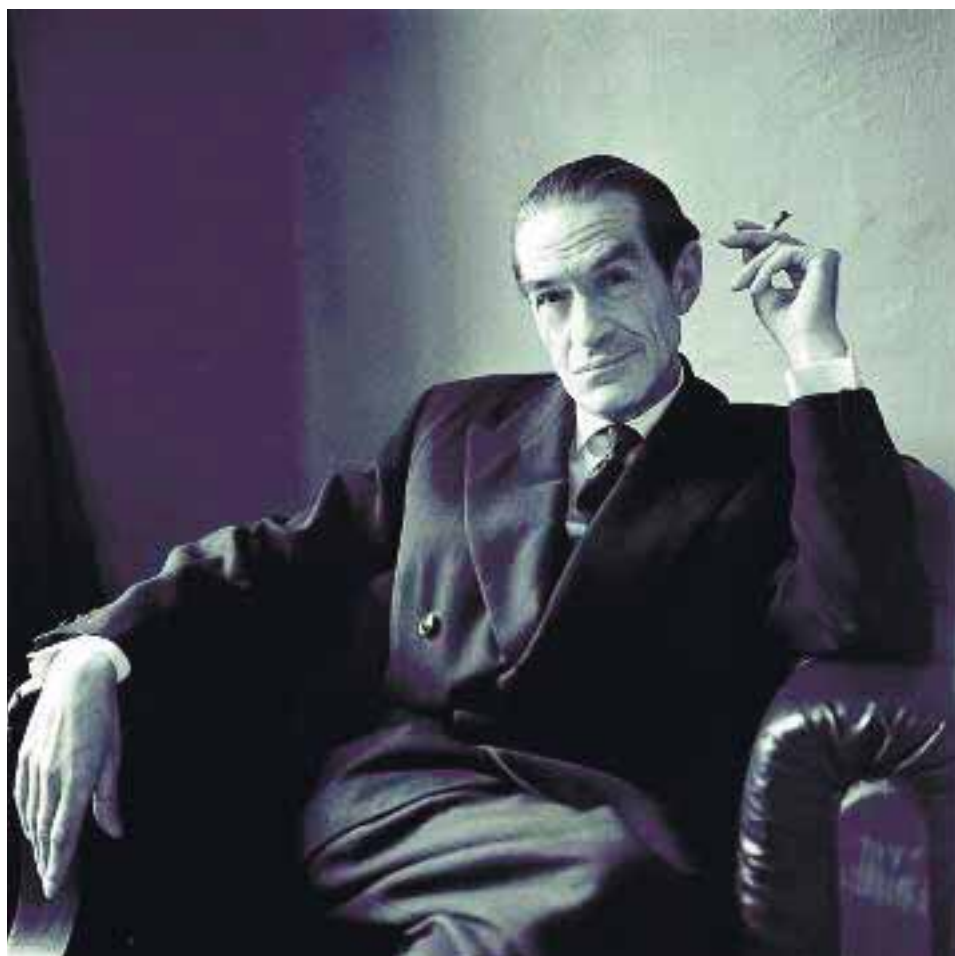
Первый. Точное указание на то, что не надо делать. Для прогресса креативного потенциала не «элиты», а «рядовых» граждан не следует содействовать неадекватно прогрессирующему развитию тех сфер, в которых не создаются ни культурные ценности, гармонично и всесторонне развивающие личность человека в диалоге с природой, ни материальные продукты, создающие предпосылки для такого развития и повышающие производительность общественного труда. Понятно, что «старый» СССР с этой задачей не справлялся. «Новые» страны «Большой восьмерки» сейчас также ее не осиливают. А ведь все остальные копируют ныне именно эти страны. В результате мир стремится создавать

все больше предметов пресыщения, масскультурных жвачек, вооружений, фиктивных виртуальных благ (Жан Бодрийяр назвал бы их «симулякрами», как бы благами).

Второй. Понимание того, что потенциальная альтернатива существует. Человечество может обеспечить интересной творческой деятельностью большинство своих членов. Квалифицированный репродуктивный труд меньшинства достаточен для обеспечения абсолютно всех необходимым количеством материальных благ. Вопрос только в одном: понять, кто, как и что должен и может изменить в существующей системе для того, чтобы начать продвижение по альтернативному пути. Кто, как и почему будет этому противиться, и есть ли шансы на реализацию альтернатив. Не плохо бы к тому же еще и разобраться с тем, что представляют собой эти альтернативы. Здесь, конечно же, возникает целый сонм хорошо известных возражений.

Кто вы такие, чтобы указывать нам, куда идти? Не лучше ли внять предостережениям Фридриха Хайека и его российских последователей (от Егора Гайдара до Алексея Кара-Мурзы), бывших особенно яркими в 1990-е годы и не раз предупреждавших об угрозе «пагубной самонадеянности» тех, которые берут на себя ответственность за содействие прогрессу, которого, возможно, вообще нет. К этому можно добавить и давно известные возражения консерваторов всех мастей, предостерегающих от каких бы то ни было новых социальных экспериментов.

Последовательно реализованная линия таких интеллектуалов приводит к выводу, который около 20 лет назад сделал Фрэнсис Фукуяма: история закончилась. Либеральный миропорядок *forever*. Всякий,

Алексей Леонтьев

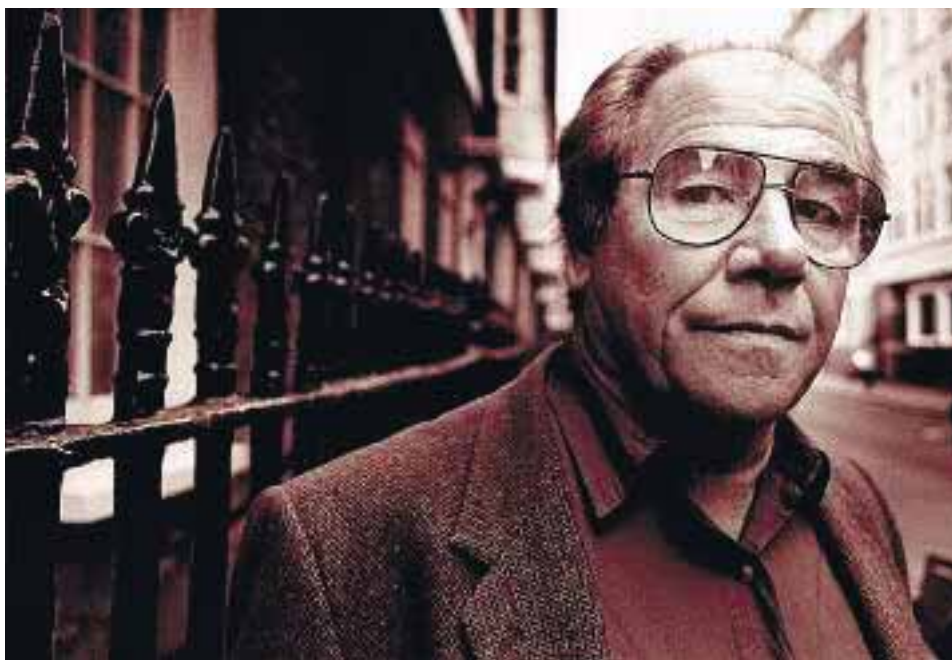
Природа творчества состоит в том (и это доказано советской школой философов и психологов – Леонтьевым, Выготским, Ильенковым), что способностью к нему обладает любой ребенок в любой семье – богатого и бедного, жителя Кембриджа и Урюпинска.

кто с этим не согласен, — враг цивилизации.

Я с этим не согласен. И не в силу сохраняющегося юношеского романтизма и веры в позитивную миссию «прогрессоров». Дело в том, что трагедии деятельности «прогрессоров» нередко оказывались оптимистическими. Был ли «пагубно самонадеян» проведенный две тысячи лет назад «эксперимент», начатый проповедниками христианства? Был ли пагубным «эксперимент» Томаса Джефферсона и Джорджа Вашингтона? Или Соединенным Штатам было бы лучше и дальше оставаться колонией? Был ли реакционным призыв Вольтера к просвеще-

нию и демократии? А ведь для XVIII века его идеи были явным «прогрессорством».

Конечно, исторические примеры — не доказательство. Но и статья — не академический трактат. Поэтому ограничусь здесь только этими отсылками, доказывающими, что субъективное содействие интеллектуалов прогрессу может быть и позитивным. Суть моей позиции состоит не только в том, чтобы констатировать: прогресс креативности идет, хотя и нелинейно, во времени и в пространстве. Позиция прежде всего в другом: мы, интеллигенция, можем и должны содействовать этому прогрессу, как минимум пока-

Ныне мир стремится создавать все больше предметов пресыщения, масскультурных жвачек, вооружений, фиктивных виртуальных благ (Жан Бодрийяр назвал бы их «симулякрами», как бы благами).

зывая гражданскому сообществу, какие формы организации экономики, общества, культуры продвигают нас вперед, а какие отбрасывают назад, доказывая свою правоту и неся ответственность за эту деятельность.

Постмодернистская методология деконструкции и самоустранения, порожденная застоем конца XX века, в эпоху агрессивной имперской политики и активности мирового Хама безнадежно устарела.

Вопрос, следовательно, не в принципиальной вредности «прогрессорства», а в том, какое это воздействие, в каком направлении и как оно осуществляется. Комментируя эти две последние темы, обратимся к проблемам нашего Отечества.

Геополитические тупики

Хорошо известно, что синоптики лишь предсказывают погоду, делают же ее совсем иные люди...

В отношении экспертов и аналитиков это утверждение верно в гораздо меньшей степени. Наше сообщество, не имея решающего влияния на ход истории (его имеют лишь те массовые социальные силы, которые объективно и субъективно дозревают до того, чтобы оказаться в нужный день и в нужный час в необходимом месте, что и позволяет им «поймать в свои паруса ветер истории»), тем не менее способно оказывать немаловажное влияние. Нет, не на президента, олигархов и прочую «элиту» — от них на самом деле мало что зависит. Влияние на общественное мнение. А общественное мнение («идеи») способно становиться материальной силой, когда оно соединяется с реальными социальными интересами нового субъекта исторического творчества («овладевает массами»). Так какие же идеи «носятся в воздухе» в сегодняшней России, грозя завтра «овладеть массами»? Новый государственнический, державный, имперский

проект — вот то новое открытие от... На самом деле от всех: от Геннадия Зюганова, Игоря Шафаревича, Сергея Кара-Мурзы, Игоря и даже Анатолия Чубайса вкупе с иными советниками высшей российской власти. Именно этот проект пытается навязать России новый тип формирующейся «элиты». Впрочем, эта «элита», пытающаяся выразить аморфное мычание обывателя, ничего другого, кроме повторения старой идеи стоящего над народом, всех подчиняющего, но и за все отвечающего державного вождя («держиморды?»), придумать не смогла.

Во-первых, потому что неланглива. Разочаровавшись в либеральном проекте, какие-либо «новые» решения она может лишь позаимствовать из прошлого, в тысячу первый раз повторяя имперские потуги — на сей раз, как и следует из известного выражения, в виде фарса.

Во-вторых, в силу того, что по природе своей ретроградна, консервативна и ищет будущее в прошлом (сие типично для добуржуазного «мировидения» вообще и российской феодально-имперской критики капитализма и неолиберализма — в частности).

В-третьих — и это определяющий параметр, — этот консервативный проект как нельзя лучше соответствует чаяниям основных пассивно-приспосабливающихся, но при этом вязко-мощных социальных сил современной России — обывательского большинства и серой исполнительской массы «элиты» (государственной и корпоративной бюрократии).

В-четвертых, имперский проект адекватен как современным общемировым тенденциям эволюции глобального капитала, так и всевозрастающим тенденциям ностальгии по советской державе.

Проблема, однако, в том, что этот проект почему-то пока плохо работает и очень вяло претворяется в жизнь, не вызывая энтузиазма ни у «масс», ни у «элиты».

Коротко объяснить такой парадокс можно одной фразой: имперский проект для России устарел, еще не воплотившись. Причин тому несколько.

Прежде всего место единственной глобальной империи, способной оказывать решающее влияние на происходящие в мире геоэкономические и геополитические процессы, уже занято Соединенными Штатами. В рамках такой имперской логики у нашей Родины перспектив на лидерство нет.

Гораздо более важен, однако, другой аспект: так как имперско-державная модель по самому замыслу ее разработчиков является консервативным проектом, она не может стать основой стратегии опережающего развития, не может обеспечить модернизационного прорыва нашей страны в условиях перехода к глобальному постиндустриальному обществу — обществу, где ключом к прогрессу становится творческая деятельность Человека. Последнее требует некоторого комментария. В большинстве своем сторонники имперского проекта апеллируют к патриархально-консервативным тенденциям, а это означает ориентацию на аграрно-индустриальный уклад и опору прежде всего на крестьянство и чиновничество. Эти сектора и слои, играющие наименее значимую роль в постиндустриальном обществе, не могут стать основными технологическими укладами и социальными силами модернизации. Не менее важно и то, что этот проект предполагает возрождение патерналистской модели управления обществом и экономи-

Не лучше ли внять предостережениям Фридриха Хайека и его российских последователей, бывших особенно ярыми в 1990-е годы и не раз предупреждавших об угрозе «пагубной самонадеянности» тех, которые берут на себя ответственность за содействие прогрессу, которого, возможно, вообще нет?

кой, а это методы — преимущественно государственно-бюрократические и опирающиеся на пассивное послушание народа, занимающего позицию любящего «сына» державной власти, а потому пассивного объекта ее управляющих воздействий.

Более того, патерналистский вариант управления в рамках имперского проекта приведет к усилению и без того мощных тенденций личной зависимости работника от работодателя, развитию таких типичных

и для царской империи, и для СССР форм подчинения человека, в которых соединены воедино силы бюрократии и капитала.

В идейно-духовной сфере этот проект будет сопровождаться даже не манипулированием сознанием, а однозначным контролем за сознанием на основе сращивания все более алкаемой ныне «государственной идеологии» со все более превращающимся в государственную религию православием. Такое державно-им-

Джон Трамбулл. Декларация независимости. 1817–1819

Был ли пагубным «эксперимент» Томаса Джефферсона и Джорджа Вашингтона? Или Соединенным Штатам было бы лучше и дальше оставаться колонией?

перское консервативное соединение технологической патриархальности с государственно-патерналистским капитализмом находится в прямом противоречии с основой прогресса современной постиндустриальной системы — развитием новаторского творческого потенциала личности в открытом интернациональном свободном диалоге индивидов и культур.

Наконец, эта система по определению (авторов этого проекта) не должна включать механизмов низового демократического контроля за властью как исполнительным аппаратом народа (державность предполагает реализацию обратного проекта — народ как «сын» государства-отца). Вследствие

этого идеальная модель авторов проекта, в которой «государь» есть отец народа, заботящийся прежде всего об интересах страны, неизбежно будет на практике вырождаться (как, например, во времена распутищины или брежневщины) во властвование бюрократии, нацеленное на реализацию своих собственных интересов как узкого привилегированного слоя, укрепляющегося за счет народа и экономики. Последнее, как известно, очень быстро сводит на нет все достоинства патернализма, вызывая бурное разворачивание его недостатков. Вот почему консервативный имперский проект в самой своей конструкции содержит механизмы собственного вырождения в

диктатуру коррумпированной бюрократии.

Альтернативы есть?

«Альтернативы есть!» За этим лозунгом скрыт анализ уникального феномена — мощнейшей потенциальной социально-творческой энергии, скрытой в гражданах нашей страны. Зададимся вопросом: при каких условиях серый российский мещанин становится гражданином, способным к совместным историческим действиям?

То, что такая способность в принципе существует, история доказывала не раз. Эта же история подсказывает и ответ на поставленный вопрос. Подобная невозможная на первый взгляд трансформация мещанина в полного энтузиазма «прогрессора» происходит тогда, когда:

♦ появляется субъект, объективным интересом которо-

го становится изменение экономической и общественной жизни;

- ♦ противоречия общественной жизни достаточно обострены, чтобы пробудить социально-творческую энергию граждан (пробудить спящего на печи богатыря);

- ♦ этот субъект достаточно организован, чтобы подобное действие осуществить;

- ♦ субъект также способен к осознанному конструктивному действию, то есть осознает необходимые цели преобразований и возможные средства их реализации достаточно адекватно, чтобы направить социальную энергию в конструктивное, а не разрушительное русло.

Такова проверенная жизнью теоретическая модель. Для современных исторических условий России эта формула исторического творчества кажется неприменимой. Но так ли это? «Тайна» пробуждения в мешанине гражданина и возвы-

Был ли реакционным призыв Вольтера к просвещению и демократии? А ведь для XVIII века его идеи были явным «прогрессорством».

шения в загнанном и задавленном проблемами выживания интеллигенте и рабочем социального творца общеизвестна.

Прежде всего это культура — подлинная, доступная каждому (доступная и экономически, для чего ее блага должны быть бесплатными или как минимум дешевыми, и социально, для чего граждане должны обладать свободным временем, а не вкалывать на трех работах). Культура, каждый востребованная (а для этого необходимы соответствующие общественное воспитание и общедоступное универсальное — а не только узкопрофессиональное — образование для всех).

Но этого мало. Если жизнь будет заставлять человека жить ради добывания денег, которые

нужны ради потребления, которое побуждает добывать еще больше денег, никакое образование и культура не станут востребованными, мотивации к активному историческому творчеству по-прежнему не будет. Следовательно, нужны мощные признанные обществом материальные (но не денежные и не вещные) мотивы, возвышающие «рядового» интеллигента и «простого» рабочего до роли социального новатора.

Основанный на развитии гражданского общества проект российской культурной экспансии обеспечит государству и бизнесу шанс на достойный выход на мировую арену и возможность остаться в истории несколько иначе, чем это получилось у Чубайса и Пиночета.